

## Реформы и элиты: институциональный аспект

### Социокультурная среда преобразований

Реалистические представления о субъекте трансформации (или в более привычной постановке — субъекте реформ) лежат как бы между двумя крайностями волонтаризма. С одной стороны, это вера в способность лидера-реформатора реализовать любые «прогрессивные» реформы вне или вопреки социальному контексту, с другой — нивелирование роли субъекта, т. е. ориентация на исторический процесс, который «возьмет свое» в ходе взаимодействия различных социальных сил и в любом случае проложит дорогу реформам. Уход от обеих крайностей предполагает выстраивание представления о процессе реформирования как о сложном взаимодействии субъекта (целенаправленного или хотя бы сколько-нибудь рационализированного) с социальной средой, выступающей социальным контекстом реформ.

Процессуально это означает, что стратегические решения, принимаемые неким субъектом по реформированию хозяйственной деятельности, социально-политических и экономических институтов, в ходе реализации интерпретируются всеми участниками данного процесса. Это предполагает цепную реакцию решений, которые могут либо подкрепить, либо заблокировать решения, принятые на более высоком уровне. В некотором смысле реформы можно представить себе в виде некоей результирующей воздействия как исходного субъектного толчка, так и опосредующих его вторичных, третичных и т. п. импульсов. Вполне понятно, что процессуальное представление о реформах как о макросоциальном процессе включает в себя социологическую и социокультурную составляющие, связанные с возможностью социальных коммуникаций и влияний со стороны субъекта, с наличием общего контекста взаимопонимания между ним и социальной средой, меры общности интересов, идеологических и социально-политических представлений.

Таким образом, ключом к пониманию характера процесса реформ становится анализ функционирования соответствующих институтов, с одной стороны, являющихся объектом реформирования, а с другой — реально регулирующих социальные, экономические и политические отношения в обществе. Сама реальная, а не декларируемая потребность в реформировании социальных институтов появляется тогда, когда влиятельные, обладающие значимыми ресурсами группы ощущают, что ключевые институты общества более не способны осуществлять свои функции по целеполаганию, адаптации, интеграции и легитимации.

Наличие подобной институциональной дисфункции приводит к серьезной дезинтеграции общества, к распаду системы его органичного воспроизводства, к

---

*Дискин И. Е. — доктор экономических наук, заместитель директора Института социально-экономических проблем народонаселения (ИСЭПН) РАН. Член Междисциплинарного академического центра социальных наук (Интерцентра). Специалист по социокультурным проблемам трансформации*

формированию глубокого социального конфликта, либо становящегося толчком к реформам соответствующих институтов, либо перерастающего в революционный слом всей системы регуляторов с последующим выстраиванием новой институциональной системы на обломках прежней. В этом смысле основным содержанием реформ является *смена системы социальных институтов, регулирующих ключевые социально-экономические и политические отношения.*

Необходимым условием становления новой институциональной системы является складывание новых этических норм, социальных ценностей, формальных и неформальных правил, выступающих регуляторами соответствующих социальных, хозяйственных и политических отношений. Именно трансформация социальных институтов обнажает социокультурный фундамент реформ в связи с происходящей в рамках этого процесса сменой доминирующих, реально регулируемых, а не декларируемых ценностей, норм и установлений.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что и процессуальный, и институциональный взгляды на процесс реформ приводят нас к необходимости держать социокультурную проблематику в фокусе исследовательского внимания. Такой подход позволяет соотнести между собой нормативно-институциональные преобразования, с одной стороны, и макросоциальные изменения в функционировании соответствующих институтов — с другой.

Безусловно, социокультурные изменения вносят серьезные коррективы в характер функционирования всей системы социальных институтов даже в том случае, когда формально, с нормативной точки зрения они остаются неизменными. В качестве примера можно привести преобразования семейных отношений в Европе в результате эволюции системы ценностей в Новое время.

Вполне очевидно, что изменения на социокультурном уровне являются как предпосылками, так и результатами собственно институциональных преобразований. Но эти изменения, как показывает анализ европейской и российской истории, протекают относительно независимо, что создает отдельный предмет для исследования процессов трансформации.

Поиск теоретических средств анализа обсуждаемой проблемы делает необходимым отчленять микро- и макроуровень рассмотрения. Вполне очевидно, что процессуальный уровень, связанный с изучением совокупности решений, принимаемых субъектами, тяготеет к микроуровню. Здесь исследователь может наблюдать, как из реакции на множество отдельных решений рождаются новые ценности и нормы, отличающиеся от тех, на которых базируются наличные социальные институты. Зародыш нового институционального кризиса проявляется на микроуровне, прорастая затем на макроуровень. В свою очередь, социальные институты задают ограничительную и стимуляционную рамки для микроуровня, создавая тем самым систематическую проблематизацию характера своего функционирования. Возникающий в этом «кипящем слое» социокультурный конфликт является сжатым, хотя и не всегда ясным для самих субъектов, отображением ключевых проблем социального функционирования, в том числе устойчивости и регулятивности социальных институтов.

Необходимо различение номинальных институциональных установлений и реальных социальных регуляторов, ценностей и норм, которые в своем объективированном виде являются реальными социальными институтами. Здесь одинаково опасны крайности, связанные как с абсолютизацией номинальных установлений, априорным признанием за ними реальной легитимации, так и с нигилизмом, отрицанием вклада номинальных установлений в регулирование. Вслед за Э. Дюркгеймом, акцентировавшим внимание на значении социальной санкции в поддержке нормы, следует включить в качестве существенного критерия оценки регулятивности номинальных институциональных установлений оценку субъектами значимости санкций за нарушение соответствующих норм.

Вполне очевидно, что конфликт между номинальными установлениями и

реальными институциональными регуляторами имеет явное социокультурное отображение, открывающее возможности для соответствующего исследования. В то же время общие целевые установки, связанные с анализом реформирования, делают необходимым включение в предмет изучения носителей соответствующих ценностей, норм и моделей, наиболее существенным образом влияющих на функционирование обсуждаемых регулятивных социальных институтов.

### Институционализирующая роль элит

В рамках предложенной выше позиции оказывается возможным перейти к характеристике субъекта реформ. Вполне очевидно, что ключевые решения реализуются сегодня в довольно определенном социальном слое, который хотя и не вполне идентифицирует себя в качестве элит, но способен (как это видно из общения с представителями соответствующих групп, анализа материалов их устных и печатных выступлений) достаточно четко отграничивать себя от внеэлитной среды.

К элитам я отношу субъектов принятия стратегических решений. Такой функциональный подход существенно отличается от подходов, связываемых с именами В. Парето и Г. Моска, и предполагает некоторую априорную избранность людей, стоящих на высших ступенях социальной иерархии. Современная теория элит концентрирует внимание на том, что они относительно свободны в принятии решений до тех пор, пока не затрагивают «священных» ценностей внеэлитных групп (в традиционалистском или посттрадиционалистском обществе) или существенных интересов слоев и групп (в обществе модернизированном). В этом случае начинается массовая проблематизация статусов элит, легитимности сформированных при ее участии институциональных установлений. То есть создается сильный трансформационный импульс, способный привести к изменению массовых деятельностных стереотипов на микроуровне или же к подрывающей основы режима «переброске» этой проблематизации сразу на уровень социально-политических институтов. При таком подходе становится возможным исследование проблемы российских элит, их роли в проведении реформ, а также тех изменений, которые происходят внутри этих ключевых групп российского общества. Подобное исследование в первую очередь связано с характеристикой роли элит в рамках социальных институтов.

В силу своего положения, обусловленного по определению принятием стратегических решений и предполагающего обладание высоким формальным (и чаще всего реальным) социальным статусом, элиты выступают либо субъектом непосредственного принятия ключевых реформаторских решений на федеральном, региональном или корпоративном (часто даже на прежнем отраслевом или ведомственном) уровнях, либо непосредственным окружением, референтной группой лиц, принимающих соответствующие решения. Подобная генерирующая, целезадающая функция элит в рамках системы разнообразных социальных институтов обеспечивает, во-первых, поддержание статуса элит, во-вторых, динамику социального развития в той мере, в какой соответствующий импульс становится реальным элементом функционирования институтов, т. е. регулятором социальной деятельности. Это означает, что *именно элиты осуществляют институциональную функцию целеподавания*. Потому их представления относительно целевых ориентиров социального развития могут служить важным индикатором трансформационных ориентации, направлений реального реформирования.

Существенным фактором воздействия элит на процессы институционального функционирования являются «фильтрация», *переинтерпретация целеполагающих устремлений*, возникающих в социальных институтах, регулирующих важнейшие социально-экономические и политические процессы. Выдвинутые в качестве целей одной из элитных группировок те или иные позиции попадают для обсуждения и исполнения в первые или вторые эшелоны элит. Если они отвечают

устремлениям и интересам этой среды, они могут быть восприняты, подкреплены функциональными и инструментальными средствами, превратиться в реальные рычаги социального регулирования. В ином случае, когда нарушен коммуникационный контекст, имеется несовпадение ценностей и категорий описания целей и реализующих эти цели задач, но нет рефлекслируемого конфликта интересов, начинается зачастую неосознаваемая переинтерпретация выдвинутых целей. К ним «пристыковывается» качественно иная система категорий и инструментальных средств, приводящая к дивергенции целей. В результате социальные институты, сохраняя номинально выдвинутые цели, в действительности реализуют задачи, реконструируя которые, можно увидеть иное, качественно отличное целеполагание.

Еще одним вариантом такой «фильтрации» является наличие осознаваемого конфликта интересов, связанных с реализацией целей, воспринятых социальным институтом, с одной стороны, и элитных групп, призванных реализовывать задачи, вытекающие из этих целей,— с другой. В данном случае наиболее вероятными являются тенденция блокировки соответствующих целей, выдвижение аргументов, обосновывающих невозможность их реализации, внедрение в институциональную среду средств реализации, приводящих к последствиям, противоречащим исходным целям.

Слабое осознание специфики указанных коллизий, смешение второго и третьего из названных вариантов, их исходных предпосылок и последствий приводят к неадекватному истолкованию фактов несовпадения целевых посылок и результатов попытки их реализации. Типичным объяснением такого несовпадения становится предположения о происках «врагов реформ», тогда как на деле наличествует *коммуникационная блокада*, вызванная несовпадением ценностного и инструментального контекстов, взаимным непониманием при наличии реальной близости интересов и устремлений. Это означает, что изучение общего ценностного контекста в элитной среде позволяет увидеть потенциальные дисфункции в реализации целей социальных институтов.

Реализация элитами институциональных функций связана с уровнем социальной сплоченности элит. Расколотые элиты, т. е. утратившие общность своих интересов, единство ценностного и мотивационного контекстов, выдвигают разнородные, зачастую противоречивые требования, «разрывая» на части социальные институты, задавая разнонаправленные сигналы и импульсы социальным субъектам, дезориентируя их в институциональном пространстве. В результате блокируется сколько-нибудь устойчивое функционирование системы социальных институтов, усиливается опасность их дезинтеграции, реализации локальных и частных интересов при использовании общих ресурсов соответствующих социальных институтов. Одновременно происходит блокировка процессов адаптации, так как социальные субъекты теряют ориентацию на сколько-нибудь устойчивые ценности, нормы и модели социального действия. При расколотых элитах уже невозможна реализация функций целеполагания, подрывается реальная легитимация. Одновременное функционирование в рамках социальных институтов различных социально значимых представлений о социальном порядке делает равно нелегитимным любой наличный порядок, открывая дорогу оправданию асоциальных и антисоциальных действий. Эти обстоятельства делают проблему сплоченности элит одной из ключевых для понимания как их субъектной роли, так и трансформационных процессов и перспектив реформ.

### **Институциональный кризис и пути его преодоления**

Складывающаяся перспективная институциональная среда в содержательном плане должна с необходимостью отвечать двум требованиям. Во-первых, реализуемые ею образцы и модели функционирования в целом должны соответствовать или хотя бы явно не противоречить «ядру» нормативных представлений о

регулировании экономики, рефлексированным социально-экономическим интересам как российских элит, так и примыкающих к ним ключевых групп, реализующих на практике соответствующие образцы и модели. В противном случае, как было сказано выше, начнется процесс «отторжения», «блокировки» номинальных институциональных установлений. Во-вторых, формируемые институты могут предъявлять к своим субъективным элементам примерно такой уровень содержательных требований, который потенциально способны реализовать наличные элитарные группы, вовлеченные в функционирование соответствующих структур. В противном случае возникает «зazor» между нормативными требованиями, с одной стороны, и реальными ценностно-этическими и профессионально-квалификационными возможностями — с другой. Он неизбежно будет «заполнен» либо обесмысливающей имитацией содержательной деятельности, либо коррупцией, своекорыстными интересами наиболее квалифицированной и энергичной, но одновременно наименее нравственно устойчивой части элитных групп, качественно деформируя все институциональное функционирование.

Сегодня существенным источником противоречия между формируемой институциональной средой и реальным функционированием хозяйственной жизни является то, что основная концептуальная установка, которой руководствуются группы, задающие общие контуры институциональной среды, состоит в тезисе, что хозяйственные субъекты сами по себе обладают рыночной природой. Однако реальная хозяйственная деятельность в современной России осуществляется далеко не только по рыночным моделям. Это означает, что *номинально устанавливаемые рыночные институты обращаются к хозяйственным субъектам, имеющим существенно отличную полурыночную, переходную природу*. Подобное положение является источником серьезного институционального кризиса.

Реакцией «верхов» на этот кризис становится репрессивная установка, направленная на борьбу с «отклонениями» хозяйственных субъектов от «нормального» рыночного состояния. Эта неадекватность институционального функционирования усиливается угрозой жестких санкций за нарушение номинальных норм (например угроза банкротства), избежать которых в случае их действительного применения для большинства хозяйственных субъектов принципиально невозможно как из-за серьезных структурных дисбалансов, так и по чисто институциональным причинам.

Оставаясь в чисто институциональных рамках теоретизирования, можно представить себе гипотетические пути преодоления институционального кризиса.. Продвижение по пути реалистических рыночных реформ предполагает, что ключевыми проблемами на этом пути являются, во-первых, адаптация субъектов хозяйственной жизни к номинальным институциональным нормам, превращающая их тем самым в реальные регулятивы, и, во-вторых, определенная корректировка номинальных регулятивов с тем, чтобы не создавать слишком зияющих противоречий между номинальными и реальными регулятивами, не блокировать процесс адаптации. Главным экономическим ориентиром преобразований в обсуждаемой области, как представляется, являются последовательная маркетизация функционирования хозяйственных субъектов и соответствующая эволюция институциональной среды.

Учитывая роль социокультурных факторов, можно высказать предположение, что маркетизация и предшествующая ей адаптация потребуют длительного времени. Это, в свою очередь, означает необходимость определенного периода социально-экономических преобразований, направленных на создание целостной, органично действующей экономики, на эволюцию ценностей и норм и соответствующую трансформацию институциональной среды. Данные процессы могут стать лишь необходимыми предпосылками для структурных преобразований, поддержанных внутренними мотивами деятельности самих хозяйственных субъектов.

Динамика оценок директорами готовности своих коллег к деятельности в условиях рынка  
(в процентах)

	1993 г.	1994 г.
Большинство руководителей уже готово работать в условиях рынка	33,3	11,4
Большинство со временем сможет приспособиться к рынку	32,3	52,3
Большинство не сможет приспособиться к рынку	28,3	20,5
Большинство руководителей является противниками рынка	6,1	9,1
Другие ответы	0,0	2,3
Затрудняются ответить и не ответили	0,0	4,4

Маркетизация, создание предпосылок для усиления рыночных элементов в функционировании хозяйственной системы на деле означают:

— обеспечение внешних предпосылок — снижение уровня внеэкономических угроз и препятствий в функционировании реальной хозяйственной жизни;

— создание внутренних условий — кардинальное усиление роли рыночных мотивов, моделей и стереотипов в деятельности соответствующих хозяйственных субъектов.

Только реальное снижение влияния внеэкономических факторов может стать предпосылкой укоренения рыночных мотивов и соответствующей логики в повседневной практике хозяйствующих субъектов. Это — необходимое условие превращения номинальной рыночной институциональной среды в реальный регулятор.

В то же время снижение внеэкономических внешних угроз для хозяйственной жизни само по себе не гарантирует маркетизации, для которой необходимо, чтобы сами хозяйственные субъекты захотели и смогли воспользоваться возможностями для изменения доминирующих моделей своей деятельности. Уровень соответствующих мотивационных устремлений у руководителей предприятий можно видеть из таблицы 1.

Данные приведенной таблицы свидетельствуют о наличии значимых, хотя и не слишком радикальных процессов адаптации директорского корпуса к деятельности в условиях рынка. Резко сократилось число убежденных в готовности директорского корпуса к такой деятельности, полностью компенсированное мнением о положительном исходе процесса адаптации. Существенно сократилось и число «сомневающихся» в успехе этой адаптации, хотя соответственно пополнились ряды тех, кто видит в своих коллегах «противников рынка».

Но для эффективной адаптации необходимы не только абстрактное знание методов рыночной деятельности, стремление к их использованию, но и постепенно растущая уверенность в действенности рыночных методов, в их большей эффективности, чем ранее практиковавшиеся модели хозяйствования. О том, как обстоят дела в этой сфере, можно судить по ответам директоров, приведенным в таблицах 2 и 3.

Как видно из таблицы 2, большинство директоров видят в качестве главной проблемы поиск источников финансирования, что свидетельствует о действительном сломе прежней системы гарантированной финансовой поддержки и о необходимости предприятий опираться на рыночные финансовые источники. Этот вывод подкрепляет и то, что почти никто из респондентов не озабочен доминировавшей прежде проблемой налаживания отношений с вышестоящими организациями, которые сегодня реально ничем не могут помочь предприятиям.

Об усилении рыночных элементов в деятельности предприятий также свиде-

Таблица 2

**Директорские оценки главных проблем для предприятия в сегодняшней ситуации (в процентах) \***

Обеспечение производственно-технологического цикла	16
Поддержание трудовой дисциплины	16
Обеспечение поставок сырья и комплектующих	27
Обеспечение сбыта готовой продукции	39
Определение цены на готовую продукцию	16
Поиск источников финансирования и кредитования производства	590
Налаживание отношений с вышестоящими отраслевыми организациями	0
Налаживание отношений с местными властями	5
Решение социальных проблем трудового коллектива	23
Иное; затруднились ответить	7

\* Можно было дать несколько ответов.

Таблица 3

**Главные проблемы при принятии ключевых управленческих решений (в процентах) \***

Рост прибыли	43
Выход на зарубежные рынки, экспортные поставки	25
Удержание и расширение позиций на отечественном (включая СНГ) рынке	46
Сохранение объемов производства	39
Сохранение научно-технического потенциала предприятия	43
Сохранение трудового коллектива	43
Иное; затруднились ответить	5

\* Можно было дать несколько ответов.

тельствуется и второе место, занятое проблемой сбыта готовой продукции. Но эти предположения может поколебать занявшая третье место проблема обеспечения поставок сырья и комплектующих, которая как бы возвращает нас к прежней, дореформенной производственной ситуации.

Сопоставление этих проблем, принадлежащих к казалось бы столь разным экономическим мирам, приводит к выводу о том, что переход к рыночным моделям еще далеко не завершился, а на деле на микроуровне господствует мучительная смесь проблем, как доставшихся от прошлого, так и привнесенных «рыночным» настоящим. Этот вывод подтверждается тем, что на последующих местах по рангам важности находятся также проблемы, «вышедшие» из прежней и «рыночной» моделей хозяйственной деятельности. Более детально эту ситуацию можно увидеть из мотивов, которыми руководствуются директора при принятии ключевых решений.

Из ответов видно, что главным интегратором мотивов большинства директоров является выживание их предприятий. Об этом свидетельствует тот факт, что проблемы экспорта, характерные для предприятий, ведущих активную наступательную рыночную позицию, находятся на последнем месте. Гораздо важнее оказывается удержание привычного внутреннего рынка, сохранение трудового коллектива. В то же время данные свидетельствуют, что директора настроены не

на поражение, а на то, чтобы, пережив трудные времена, вернуться к активной наступательной стратегии, для которой как раз и нужны сохраняемый научно-технологический потенциал, трудовой коллектив и борьба за рост прибыли.

Приведенные данные показывают: предположение о том, что перспективы перехода к рынку могут являться результатом лишь внутренне обусловленной эволюции, было бы столь же наивным, как и априорное предположение о естественно-рыночной природе хозяйственных субъектов. Именно вопрос о субъектах и институциональных предпосылках соответствующей трансформации возвращает нас к общему сюжету статьи. Здесь возникает ряд проблем.

Первую можно сформулировать в виде вопроса: откуда возьмется субъект, обеспечивающий кардинальное снижение роли внеэкономических угроз для хозяйственной деятельности? Вполне понятно, что таким интегральным субъектом может быть только государство. Любые эрзацы, обеспечивающие локальное решение этих проблем, включая «неформальные силовые структуры» (эвфемизм мафии и рэкета), могут лишь на время отодвинуть реальные угрозы, передвинуть «разборки» на другой уровень, усиливая тем самым общую неопределенность хозяйственного функционирования. Но здесь возникает новый вопрос о мотивах, побуждающих государство перейти к активной позиции. Он связан с проблемой социальной природы государства.

Вторая проблема вытекает из характера переходных процессов от полужоно-номических к чисто экономическим моделям деятельности. Вполне очевидно, что легальная экономическая деятельность все время будет подрываться «аутсайдерами», которые еще не готовы (по объективным и субъективным причинам) к переходу к новым способам работы. Давно известно, что ценностно-этический уровень общества во многом определяется именно «замыкающим» звеном. Это значит, что нужен внешний субъект, способный предотвратить разрушение позитивных тенденций формирования ценностно-этической среды.

Вполне очевидно, что здесь возможен множественный субъект, но немалая роль в таком становлении также принадлежит государству, единственно способному создать систему действенных санкций, препятствующих «выплескиванию» в хозяйственную жизнь «продуктов» деятельности «аутсайдеров», которые используют нормативные регуляторы, отвергаемые большинством хозяйственных субъектов. В некотором смысле это замена тех судов гильдий, которые творили суд и расправу над попиравшими корпоративные нормы. В принципе и сегодня возможна подобная самоорганизация хозяйственных субъектов, но государство все равно должно стать источником легитимации норм и санкций соответствующих институтов, предотвращая их игнорирование «аутсайдерами».

Можно привести следующий пример осуществления соответствующей роли государства, стимулирующей хозяйственные субъекты к использованию рыночных моделей. Государство как собственник (полный или частичный) могло бы выступить с инициативой проведения конкурсов на проект маркетинга деятельности предприятия, включая собственно маркетинг, номенклатуру выпускаемой продукции, отвечающей требованиям рынка, ценовую стратегию, требования к дизайну продукции и упаковки, идею рекламной стратегии продвижения продукции фирмы, кредитно-финансовое и производственно-технологическое обеспечение реорганизации деятельности предприятия, занятость и переквалификацию персонала, контуры тарифных соглашений с профсоюзами. К участию в открытом конкурсе должны быть допущены как действующая администрация, так и конкурирующие «команды», в том числе и из «второго эшелона» менеджмента. Победитель по условиям конкурса должен получить управление в траст на период реализации проекта с установлением значимого для управляющих залога, гарантирующего от заведомых злоупотреблений. В случае реализации проекта команда-победитель должна вознаграждаться определенным пакетом акций без права его реализации в течение оговоренного периода, что «привязывает» ее к предприятию, заставляет настраиваться на перспективный подход к делу.

Вполне ясны и оправданы возражения, связанные с возможными злоупотреблениями в руководстве такого конкурса, с преимуществами, которыми исходно обладает действующая администрация, а также с тем, что проекты могут быть «дутыми». Однако такая процедура была бы оправдана, даже если она позволит сменить небольшую часть «нерыночных» менеджеров, а остальных заставит всерьез поразмыслить над новыми для себя проблемами. Уже этот пример показывает, какие сложные содержательные задачи возникают перед государством, всерьез стремящимся постепенно формировать институциональную рыночную среду в соответствии с ходом социокультурной и институциональной адаптации. Однако остаются серьезные проблемы генезиса государства, способного решать охарактеризованные выше проблемы, а также элиты, ориентированные на функционирование и поддержание соответствующего государства.

Выше мы сознательно сосредоточились на проблемах трансформации, прежде всего связанных с текущей хозяйственной деятельностью, которые относительно эффективно регулируются рыночными средствами. Это было сделано вполне осознанно, чтобы локализовать проблему, но сохранить ее концептуальную целостность. В то же время реальное хозяйственное функционирование, включающее в себя инвестиционные и инновационно-технологические циклы, сочетающее сиюминутные выгоды и перспективные ориентации, как известно, предполагает использование более широкого спектра критериев.

Об этом трудно говорить сегодня, когда основная часть предприятий по объективным причинам не может перейти к работе на перспективу и занята проблемами сиюминутного выживания. В то же время сосредоточенность лишь на текущих проблемах обрекает эти предприятия на растрату ресурсов, которые могли бы обеспечить им дорогу в будущее. Ситуация, связанная с недоинвестированием и его последствиями для перспектив отечественной индустрии, хорошо исследована теми учеными (прежде всего научной школой академика Ю. Яременко), которые изучают структурно-технологические проблемы нашего хозяйственного механизма. Здесь мы в соответствии с исходно поставленной задачей сосредоточимся лишь на мотивационно-субъективной и институциональной стороне соответствующих процессов.

При этом следует отметить новый узел противоречий, возникающий в области перспективных ориентации хозяйственных субъектов. В прежней хозяйственной жизни проблема перспективных ориентации была в основном вынесена за пределы границ собственной хозяйственной ответственности этих субъектов и сосредоточена преимущественно в специализированных государственных структурах. При этом важно, что данные перспективы определялись на технико-технологическом, реже на технико-экономическом языке без увязки решения соответствующих задач с финансовыми показателями самих субъектов.

Сегодня хозяйственные субъекты переживают противоречия между решением перспективных задач и текущим финансовым положением. Это противоречие проявляется в том, что чем больше предприятия будут ориентироваться на примитивно «рыночные» ориентиры, тем меньше они способны воспринимать импульсы, связанные с перспективной ориентацией, но сформулированные на прежнем, технико-технологическом языке. Отсутствие серьезных внутренних побудительных мотивов к ориентации на стратегию и перспективу делает этот конфликт более острым. Сказанное означает, что проблема сохранения перспективных ориентации хозяйственных субъектов также должна решаться с учетом соответствующих социокультурных и институциональных аспектов. По существу, речь идет об институциональных способах имплантирования соответствующих мотиваций хозяйственным субъектам.

Данные социологических исследований ИСЭПН РАН показывают, что действующие сегодня субъекты хозяйствования потенциально мотивированы на решение перспективных проблем, ради которых они, собственно, и сохраняют научно-технический и кадровый потенциал. Но этих предпосылок еще недостаточно для выработки соответствующих перспективных ориентации, подкреплен-

ных ресурсами. Проблема в ее институциональном измерении состоит в *обеспечении «мостика» между привычными технико-технологическими ориентирами и финансовыми предпосылками реализации перспективных программ.* Вполне возможно, что и в этой области окажется необходимым сочетание административно-распорядительных и чисто финансовых регуляторов.

Обычно при упоминании необходимости административно-распорядительных методов используются возражения как раз субъективного характера, связанные с возможностями коррупции чиновников, принимающих соответствующие решения. Несостоятельность подобных возражений может быть прояснена, если учесть, что не существует идеальных институциональных регуляторов. Они могут выбираться лишь на базе сравнительной эффективности, сопоставления достоинств и недостатков каждого из способов регулирования. Адекватные институциональные формы регулирования представляются меньшим злом, хотя и включают целый ряд недостатков, в том числе возможность коррупции.

В решении перспективных проблем, так же как и в текущей хозяйственной деятельности, незаменима роль государства, которое, как это и практикуется во многих странах с развитой рыночной экономикой, создает комфортную институциональную среду, дающую дополнительные стимулы для реализации перспективных задач при снижении уровня соответствующего хозяйственного риска. Переходный этап российской экономики ставит перед государством Свои специфические задачи, связанные с необходимостью подкрепления существующих сегодня мотиваций. Для этого необходимы специализированные государственные программы, ориентированные не только на решение содержательных проблем, но и на развитие перспективных мотиваций. Разработка и реализация таких программ связаны с очень серьезными содержательными требованиями к государству, и сама возможность их претворения в жизнь во многом зависит от соответствующих ориентации ключевых элитных групп.

### **Государство и элиты: возможности регенерации**

По моему мнению, современное Российское государство опирается на элитную группировку (генетически связанную с небольшим фрагментом прежней номенклатуры), стремящуюся к перераспределению номенклатурной иерархии. Эта элитная группировка заняла центральную позицию в структуре власти России, сосредоточила в своих руках значительные рычаги власти и контроль за ключевыми ресурсами. Однако она, как это становится все более очевидным, озабочена преимущественно политическим выживанием. В силу этого она связана (как и ее «номенклатурные» политические предшественники) с жесткими ориентациями на поддержание социального порядка и оказалась неспособна обеспечить динамическое перераспределение структуры власти в соответствии с переменами в структурах реального влияния и ресурсных возможностей.

Более того, указанная группировка сохранила прежние номенклатурные стереотипы и уже в силу этого обстоятельства оказалась неспособной наладить содержательный диалог между элитами, модернизировавшими свои ориентации и способы социального действия. Однако обостряющаяся борьба наших олигархов за внешний и внутренний рынок, их стремление быть хозяевами у себя дома и никого не пускать на свой «задний двор» заставляют их всерьез озаботиться проблемой восстановления дееспособности государства. Прежде всего это относится к необходимости выработки системы широко понимаемых национальных интересов страны, учитывающих все многообразие интересов других влиятельных субъектов хозяйствования и власти.

Нараждающаяся олигархия — вовсе не обязательно цивилизованный субъект реформ и демократических преобразований. Здесь таится серьезная угроза. Государство не способно сегодня ограничить наших магнатов той ролью, которую занимают олигархи на Западе. «Низы», утратившие свой политический запал, также вряд ли могут дать им «укорот». В такой ситуации олигархия, на деле или

лишь в своем воображении взваливая на себя лидерство в отстаивании национальных интересов, может возомнить о себе слишком много и начать подминать под себя все общество. При этом, как мне представляется, есть лишь одна серьезная, обладающая реальными ресурсами и влиянием политическая сила, способная противостоять чрезмерным амбициям олигархии. Это — региональные элиты, сохраняющие немалые экономические и еще большие социально-политические ресурсы. Однако эти группировки также расколоты, координация их действий блокирована взаимной подозрительностью, конкуренцией за бюджетные ресурсы и правительственную поддержку.

В результате действия всех вышеназванных факторов прежнее главное противоречие «номенклатуры» как социального института превратилось в доминирование корпоративных интересов складывающихся элит при блокировании функционирования механизма интеграции их интересов, некризисного разрешения противоречий между ними. При этом нынешний крайне низкий уровень консолидации интересов различных группировок порождает ситуацию, когда доминирующая сегодня элитная группировка мало ограничена в своих действиях.

В принципе региональные элиты, так же как и нарождающаяся олигархия, кровно заинтересованы в социально-политической стабильности. Лишь в условиях относительной пассивности «низов» они могут продолжать приватизацию власти и собственности, завершить становление нового российского истеблишмента. Именно эта базовая общность интересов может создать основу для содержательного взаимодействия и локального противоборства регионалов и олигархов, «не вынося сор из избы» нового российского истеблишмента.

Важным обстоятельством является сохранение прежних («номенклатурных» по своему происхождению) каналов межличностного и межгруппового взаимодействия, потенциально обеспечивающих необходимую коммуникационную базу такой интеграции нового истеблишмента. В то же время уже отмечавшиеся выше глубокое недоверие и взаимная подозрительность, связанные с остро осознаваемой неустойчивостью собственного положения, блокируют перерастание общности интересов в согласованные коллективные и тем более организованные действия. В такой ситуации вполне возможен трансформационный срыв — активизация внесистемных сил, разрушающих институциональные механизмы, весь социальный порядок. Одновременно при переходе к консолидирующему диалогу могут сложиться предпосылки для восстановления дееспособного государства, без которого невозможно становление институциональной среды, необходимой для регулирования хозяйственной жизни.

Таким образом, на мой взгляд, сложилось неравновесие между новой реальной структурой социально-политических и социально-экономических ресурсов, с одной стороны, и властным центром — с другой. Это новое противоречие открывает следующие, альтернативы:

— сохранение создавшегося положения борьбы всех против всех, чреватого ростом криминализации, социально-экономическим крахом, распадом страны;

— воссоздание государства, обеспечивающего интеграцию или хотя бы некризисное разрешение противоречий между корпоративными интересами, подавление явных антисоциальных проявлений за счет использования действенных санкций.

Иными словами, возможны два варианта. Первый — воссоздание государства за счет перехода к авторитаризму, т. е. путем сохранения или приобретения одной из элитных группировок доминирующего положения, подавления других, конкурирующих, интересов и осуществления интеграционной функции подобным «центрированным» способом. Учитывая то, что в функционировании государства относительно низко влияние представительных органов, а ключевые решения принимаются лицами, не обладающими легальными полномочиями, можно сделать вывод о «протоавторитарном» его характере. Другой путь связан с поддержанием динамического равновесия между различными группировками элит,

прежде всего между региональными элитами и олигархиями, с созданием опоры для реального функционирования легального государства, для влияния демократических процедур на содержание принимаемых социально-экономических решений.

Авторитаризм в условиях существующей сложной конфигурации интересов может обеспечивать интеграцию, лишь опираясь на нравственный авторитет и личные способности лидера, и всегда чреват предельной коррумпированностью, атакой аутсайдерских элит на сложившуюся расстановку сил, включая использование внесистемных сил. Достаточно ярким примером авторитарной модели функционирования государства является Россия в 1907—1917 годах. В этот период существовали номинальные политические свободы, действовали представительные институты. Однако, как достаточно хорошо известно из анализа конкретной исторической ситуации, ключевые решения (прежде всего кадровые) принимались в окружении императора, а это окружение игнорировало, а зачастую и третировало Государственную Думу. Итогом такого функционирования стала распутищина, окончавшаяся блокировавшая легальное функционирование государства, подорвавшая этические основы его санкций и норм. Обращение влиятельных элитных групп, за поддержкой к радикальным внесистемным группам (например к большевикам и эсерам) во многом было обусловлено надеждой пробудить во властвующих группировках инстинкт самосохранения. Эти надежды оказались тщетными, а усилия радикалов разрушали государство.

Условием реанимации государства является появление социальных сил, заинтересованных в нем и обладающих необходимыми навыками соответствующей деятельности. Сегодня, как представляется, еще сохраняется потенциальная возможность для становления «легального» государства, так как влиятельные элитные группы заинтересованы в результатах его функционирования, хотя и не готовы активно поддержать его становление.

Складывающийся российский политический истеблишмент, в котором ключевую роль играет «постноменклатурная» элита, сегодня все более заинтересован в социально-политической стабильности. Наиболее реалистическая часть элит осознает, что интересы доминирования одной из группировок должны уступить необходимости «плыть в одной лодке». Из действующих социальных сил именно эта группа более всего отвечает критериям поддержки государства. В то же время сильная ее коррумпированность, сращивание с олигархиями значительно снижают надежды на быструю и успешную реализацию соответствующих задач. Меняются и содержательные устремления современных элит. Самыми существенными факторами здесь являются:

— растущая интеграция с реальным сектором экономики, во многом обусловленная результатами ваучерной приватизации и связанными с ней интересами новых собственников в реанимации промышленности;

— осознание основными элитными группировками необходимости резкого усиления регулятивной роли государства, вызванное отчасти тем, что возросшие масштабы экономического могущества и политического влияния существенно усилили необходимость защиты этого нового положения от нелегальных посягательств;

— накопленный опыт внешнеэкономической деятельности сильно способствовал осознанию взаимосвязи личных и национально-государственных интересов России.

Эти субъективные предпосылки становления «легального» государства еще не гарантируют превращения отмеченной потенции в реальность. Ход событий в решающей степени зависит от характера и направления социокультурных процессов, которые и дальше будут протекать в элитных группах.

Здесь есть два альтернативных сценария. Первый — консолидационный. В его рамках предполагается нарастание консолидации элитных групп, складывание их общих ценностей и норм, осознание своей значимости, уверенности в своем положении. Эти тенденции обусловят институциализирующую роль элит на базе

рациональных элементов их самоосмысления, т. е. трансформации их реальных экономических и политических интересов в основания соответствующих социальных интересов. Этим будет сделан следующий, может быть, самый важный шаг в вестернизации российских элит, что должно способствовать складыванию легального рационального демократического государства. Вполне ясно, что такое государство станет обладать существенной социокультурной и институциональной спецификой, обусловленной реальным спектром ценностей и норм, которыми руководствуются народы России.

Второй — фрагментационный. В его рамках сохранится и даже усилится положение, при котором отдельные элитные группировки колеблются между рациональным осмыслением своих интересов и поиском институциональных средств их защиты, с одной стороны, и комплексом фобий и аффектов, опасений любых действий, могущих осложнить или поставить под угрозу их положение, в решающей степени зависящее от благорасположения властей, — с другой. Этот сценарий создает предпосылки для авторитаристских тенденций, более того, делает их неизбежными, так как государство (даже демократически ориентированное, не говоря уже о зараженном авторитарным синдромом) оказывается перед необходимостью блокирования социально опасных аффектов в «разборках» элитных группировок.

© И. Дискин, 1995